

Александр Антонов

Правило отскока

Приключенческая
повесть

Александр Антонов
**Правило отскока. Детективно-
приключенческая повесть**

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23984128
ISBN 9785448514012*

Аннотация

Читатель, не удивляйся, если встретишь в повести знакомые фамилии. Некоторые герои перекочевали в повествование из романа «Пять из шести». На этот раз им предстоит разоблачить антигосударственный заговор.

Содержание

Всё началось с песочницы...	6
Москва. Лето 1953 года. Двор одной из московских новостроек...	6
Москва. Осень 1966-го года. В преддверии школьного комсомольского собрания...	9
Дороги, которые нас выбирают	13
Костя	14
Один из участков грандиозной комсомольской стройки, развернувшейся на необъятных просторах Сибири. Год 1973	14
Москва. Год 1974. Кабинет Бурлатиса	21
То же кабинет год спустя	23
Игорь	26
Кабинет полковника спецслужб Кондратьева. Год 1973	26
Где-то в Европе...	28
Кабинет полковника спецслужб Кондратьева. Три дня спустя...	31
Илья	33
Прянск. Год 1975-й	33
«Мушкетёры» двадцать лет спустя	41
Москва. Июнь 1991 года. Дальний столик в полупустом зале одного из престижных	41

московских ресторанов	
Кабинет генерала Кондратьева. Август 1991 года	44
Тот же ресторан и тот же стол...	45
Кабинет Бурлатиса. Часом позже	47
Бывший кабинет генерала Кондратьева.	48
На второй день после «подавления путча»	
А ты молодец, зятёк...	49
Бывший кабинет генерала Кондратьева.	51
Получасом позже...	
ЦКБ. Те же дни...	52
Макраме из паучьих нитей	54
История Странника, рассказанная им самим	64
Тайная база свестров на территории России.	70
Август 2004 года	
Конец ознакомительного фрагмента.	71

**Правило отскока
Детективно-
приключенческая повесть**

Александр Антонов

Посвящается ПГК

© Александр Антонов, 2019

ISBN 978-5-4485-1401-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Всё началось с песочницы...

Москва. Лето 1953 года. Двор одной из московских новостроек...

– Федя, посмотри какая красота!

Молодая женщина с маленьким мальчиком на руках восхищённо рассматривала новый высотный дом, где её мужу недавно выделили квартиру. Переведя глаза с дома на двор, она, не меняя тона, добавила:

– Здесь уже и детская площадка с песочницей есть!

Муж, секретарь райкома одного из московских районов, закончив помогать шоферу открывать задний борт грузовика, рассеяно произнёс:

– Песочница – это хорошо...

Потом повернулся к жене:

– Ты вот что, Лидуся, определяй-ка Костика в эту самую песочницу и переключайся на разгрузку вещей. Меня ведь только до обеда отпустили.

Через несколько минут во двор вкатила ещё одна машина, и спортивного вида мужчина крикнул из кузова спешащей с вещами к подъезду Лиде:

– Гражданочка, не подскажите, где тут тридцать вторая

квартира?

Лида повернулась на голос.

– Здесь, в этом подъезде! Наша квартира на четвёртом этаже, а ваша – на пятом.

Спортсмен перемахнул через борт и крикнул шоферу:

– Шабаш, приехали!

– Ой, вы ведь Селиванов? – произнесла Лида и смутилась своей бестактности.

Но известный всей Москве футболист Борис Селиванов лишь дружелюбно улыбнулся.

– Он самый, соседка! А это моя жена Ольга и мой сынишка Игорь.

Селиванов принял у сидевшей в кабине грузовика молодой женщины ребёнка, потом помог выбраться и ей. Женщины вежливо поздоровались.

– Лёля, видишь песочницу? Там уже есть один хлопчик, запускай туда и нашего!

– Это мой сын Костик, – поспешила объявить Лида.

– Вот я и говорю, запускай Игорька к Костику и – за работу!

А через полчаса в песочнице возились уже три пацана. К Костику и Игорьку присоединился Илюша. Его отец музыкант Игорь Фетисов тоже получил квартиру в этом доме и, по совпадению, в том же подъезде.

С этого дня мальчишки стали неразлучны, как три мушкетёра от Дюма-отца. Так их с тех пор и прозвали...

Детство наших героев ничем особенным не отличалось от детства их сверстников. Вспомните своё малолетство. Получилось? Тогда берёмся за руки и перешагиваем через тринадцать лет.

Москва. Осень 1966-го года. В преддверии школьного комсомольского собрания...

– Не дрейфь, Илька, всё будет тип-топ!

Игорь ободряюще похлопал приунывшего друга по плечу.

– Главное, не *ссать* и точно следовать полученной инструкции! – поддержал Игоря Костя.

А «ссать», честно говоря, было из-за чего. Ученика девятого «б» класса комсомольца Илью Фетисова обвиняли в фарцовке. По тем временам обвинение нешуточное. К тому же поймали Илью с поличным. А пошло всё с того, что отец Ильи не так давно поступил на службу в один очень известный симфонический оркестр. Начались заграничные гастроли, а значит, у Ильи стали появляться заграничные шмотки. Те, что ему не подходили или не нравились, он поначалу продавал по сходной цене своим друзьям. Но однажды случилось так, что новенькая кожаная куртка не подошла никому из проверенных товарищей, и Илья, с замиранием сердца, впервые пошёл на «пятак». «Пятачком» именовалась подворотня поблизости от пресловутой «Берёзки». Илья всё время боялся, что на его плечо вот-вот ляжет суровая рука закона. Но в тот раз всё прошло, на удивление, гладко. Куртку удалось продать почти сразу, выручив при этом

хорошие деньги. Ещё четыре раза побывал Илья на «пятакче», и все четыре раза ему фартило. Не подфартило на пятый. Его взяли при продаже джинсов и препроводили в отделение милиции, где был составлен соответствующий протокол.

В чём-то Илье повезло. Он не успел стать завсегдаем «пятакча» и не попал пока в поле зрения органов. Это заметно облегчило задачу по его отмазке. В деле спасения Ильи, если не от тюрьмы, так от позорного клейма «спекулянт», были задействованы и стар и млад. Фёдор Константинович Агафонов, работавший к тому времени уже в московском обкоме партии, и Борис Сергеевич Селиванов, подвизавшийся всё на том же футбольном поприще, но теперь уже в качестве тренера, каждый по своей линии, повернули дело так, чтобы проступок друга их сыновей рассматривался не как фарцовка, а как подростковая глупость. Не осталось в стороне от дела отцов и младшее поколение. Костя Агафонов, бывший к тому времени секретарём школьной комсомольской организации, выхлопотал для друга положительную характеристику, что было не так уж и сложно – Илья Фетисов числился в примерных учениках и активных комсомольцах. Игорь Селиванов, заработавший к тому времени второй разряд по самбо и являвшийся членом «бригадмила», со своей стороны, поговорил с кем надо, и из протокола чудесным образом исчезли все отягчающие обстоятельства.

Таким образом, всё свелось к тому, что дело Ильи Фети-

сова было передано на усмотрение школьной комсомольской организации. Окончательную точку в нём должно было поставить школьное комсомольское собрание, на котором намеревались присутствовать представители райкома комсомола и правоохранительных органов. Поэтому провести собрание надо было так тонко, чтобы, с одной стороны, осудить поступок Ильи, но, с другой стороны, не допустить вынесения слишком строгого порицания. Ведь строгий выговор с занесением – об исключении из комсомола никто и не думал, это стало бы катастрофой, – за год с небольшим до окончания школы ставил крест на перспективе поступления в вуз. Дабы молодёжь всё сделала как надо, инструктировал ребят накануне собрания лично товарищ Агафонов.

Собрание проходило бурно. Правда, большинство выступлений сводилось к тому, что не следует слишком сурово карать Илью Фетисова, но были и другие мнения. Один юноша предложил даже исключить «спекулянта» из рядов. Последнее слово оставил за собой Костя Агафонов.

– Товарищи! Мне трудно говорить, поэтому я буду краток. Проступку комсомольца Фетисова нет оправданий! Как нет оправданий и мне, секретарю комсомольской организации и его близкому другу. Впрочем, какой я друг, если не сумел вовремя прийти на помощь товарищу! Вы вправе принять любое решение. Даже исключить Илью из комсомола. Но в этом случае прошу исключить из комсомола и меня,

ибо я виноват в его проступке не меньше, если не больше самого Ильи!

– И меня тоже! – поднялся с места Игорь.

Такая «бомба» не могла не сработать. Суровые лица товарищей из райкома и органов просветлели. У учителей и девочек на глаза навернулись слезы. Недоброжелатели притихли. Итог: строгий выговор без занесения. Это была победа! До выпускных экзаменов выговор благополучно сняли, и Илья Фетисов покинул школу не только с приличным аттестатом, но и с чистой характеристикой.

Дороги, которые нас выбирают

Костя

Один из участков грандиозной комсомольской стройки, развернувшейся на необъятных просторах Сибири. Год 1973

Когда заместитель начальника участка по хозяйственной части – в просторечии «завхоз» – Иван Иванович Иванов или Трижды Ваня, как называли его за глаза окружающие, вошёл в кабинет шефа, лицо столоблустителя Карпа Сидоровича Хмурого вполне соответствовало фамилии.

– Доброго здоровьица, Карп Сидорович!.. Здравствуйте и вы, Роман Фадеевич! – это уже к сидящему рядом со столом парторгу участка.

Парторг кивнул в ответ на приветствие, а хозяин кабинета пророкотал густым баритоном:

– И тебе не хворать, Иван! Садись, – слово «присаживайся» тогда ещё не было в ходу – будем думу думать!

– А чёж не подумать, – Трижды Ваня присел рядом с парторгом, – думать оно завсегда лучше, чем лопатой махать!

Карп Сидорович зыркнул глазами на языкастого завхоза,

но от комментариев воздержался.

– Только вот беда, – не унимался Трижды Ваня, – засиживаться-то мне никак нельзя. Стройку материалами снабжать надо. Недосуг мне.

– А кому сейчас до них? – парировал Карп Сидорович. – Тем более что высокое начальство, того и гляди, на голову свалится...

Фраза «на голову свалится» была употреблена Хмурым не столько в переносном, сколько в прямом смысле слова. Путь до участка от штаба стройки на машине был труден и неказист. Выручал только вертолёт.

– Не было у бабы печали – взяла, купила порося... – отреагировал на известие Трижды Ваня. – Откель гости ожидаются?

– Из Москвы, Иван Иванович, – ответил за начальника парторг. – Так что шутки в сторону!

– Действительно, Иван, кончай балагурить. Лучше скажи, как гостей встречать собираешься?

– А никак!

– То есть?

– У меня и других дел по горло!.. Да не вскидывайтесь вы. Поручу встречу Агафонову, он всё и организует.

При упоминании Агафонова парторг страдальчески поморщился. У него, человека, мотавшегося по стройкам без малого четверть века, не лежала душа к молодому специалисту. Хотя видимых причин к тому вроде бы и не было.

Год назад прибыл новоиспечённый инженер Константин Фёдорович Агафонов к своему первому месту назначения. Работал поначалу мастером. Работал средне: без излишнего рвения, но и без серьёзных замечаний. А потом возникла надобность дать Трижды Ване помощника. Завхоз действительно был завален работой по «самое не балуй». И тогда именно он, парторг участка, уговорил молодого специалиста временно переквалифицироваться в снабженца. Даже угрожал взысканием по партийной линии заслушание. Прошло немного времени, и стал парторг замечать, что Агафонов как-то уж очень легко смирился со своим новым положением. И не только смирился, но и стал извлекать из этого выгоду. Так сложилось, что наиболее ответственную работу по обеспечению участка важными строительными материалами оставил за собой Трижды Ваня. А Агафонову поручил курировать доставку продуктов питания, спецодежды и прочего не столь важного в плане строительства, но крайне необходимого в плане быта дефицита. Надо сказать, что с этой работой молодой помощник завхоза справлялся весьма успешно. Даже более успешно, чем это делал до него Трижды Ваня. Короче, стал Агафонов на стройке человеком если не уважаемым, то нужным – это уж точно. Вот и теперь, когда завхоз предложил его кандидатуру в качестве ответственного за встречу высоких гостей, возразить парторгу было нечего. Видимо, такого же мнения придерживался и начальник участка.

– А что, Агафонов паренёк шустрый. Пожалуй, справится!

На распоряжение Иванова готовиться к встрече гостей из столицы Константин ответил коротко «*Бу* сделано!» и принялся за работу.

Промаявшись в кабине грузовика на тряской дороге, Агафонов вечером того же дня с удовольствием разминал ноги в центре весьма благоустроенного посёлка, где располагался штаб стройки. Отправив шофёра ночевать в общежитие, Константин направился к дому, в котором квартировал старый друг его семьи Степан Григорьевич Безбородько. Ещё в недавнем человеке столичный, Степан Григорьевич в этом богом забытом месте уже два года «замаливал грехи». И как многие считали, это он ещё легко отделался. Могли и из партии турнуть, и загнать куда подальше. Выручил старый друг Федя Агафонов. Отвёл часть молний в сторону. Поэтому, когда год назад в посёлке объявился Константин, его приняли в доме Безбородько с распростёртыми объятиями. Правда, никакой серьёзной помощи оказать молодому Агафонову опальный функционер не мог. Но на таком безрыбье и та малая толика власти, которой он располагал, была весьма кстати.

Константин постучал в знакомую дверь. Электрические

звонки здесь были не в ходу. Отворила хозяйка дома Лидия Николаевна Безбородько.

– Здравствуйте, тётя Лида!

– Костик! – обрадовалась женщина. – Степа, Костик приехал! – крикнула она вглубь квартиры.

Константин вошёл, приложился губами к не столь холеной, как прежде, руке хозяйки дома, протянул коробку дефицитных в этих местах шоколадных конфет.

– Ну зачем. Право не стоило...

Но было видно, что Лидия Николаевна довольна. Не подношением, конечно, – вниманием. Этого компонента так недоставало в её теперешней жизни, после того, как она, будучи верной женой, последовала за мужем «в изгнание».

– Константин Батькович! – вышедший в прихожую Безбородько раскрыл объятия. – А я так и думал, что ты приедешь. В преддверии московских гостей...

– Именно об этом я и хочу с вами поговорить...

– Наговоритесь после ужина. А сейчас – мыть руки!

Перечить Лидии Николаевне не имело смысла, да не очень-то и хотелось.

– Вот что я хочу сказать тебе, Константин... – лицо Степана Григорьевича слегка порозовело после выпитого коньяка. – Всё внимание – главе комиссии! Остальные так, шушера, а Роберт Генрихович Бурлатис – фигура знаковая! Глянешься ему – будешь вскорости топтать улочки московские.

– Угодить не фокус. Знать бы чем?

– Ну, в этом я тебе помогу. Есть у Роберта Генриховича одна страстишка. Уж очень он охоч до женского пола...

– И где я его здесь достану?

– Да... задачка... Чтобы ты без меня делал! Познакомлю я тебя с одной особой без предрассудков...

На следующий день Константин с утра обивал пороги в поисках дефицита. К обеду машина была загружена всем необходимым. А когда пришла пора отправляться в обратный путь, в кабине, между водителем и Агафоновым, разместилась такая шикарная блондинка, что шофер не удержался и присвистнул...

Роберт Генрихович Бурлатис был доволен. Нет, не хорошей работой участка. Другие работали не хуже. Не накрытым столом. Видывал и получше. А вот присутствие очаровательной Татьяны, якобы случайно оказавшейся в этой дыре как раз во время нахождения там комиссии, было сюрпризом приятным. А то, что фемина без каких-либо тревожных признаков оказалось у него в постели, прямо указывало на заранее спланированный акт. Поэтому на следующее утро, пожимая руку провожавшему его Хмурому, Бурлатис поинтересовался фамилией того, кто организовывал встречу.

– ... Агафонов, говоришь... москвич? Его отец, случаем, не в обкоме работает? Отчество совпадает...

– Честно говоря, не в курсе... – растерялся Хмурый.

– Выходит, именем папаши не щеголял? Молодец! Ты вот что, включи-ка хлопца в список на представление к правительственным наградам...

– Но ведь он без году неделя на стройке...

– И что с того? Я ж его не к ордену предлагаю представить. На медаль-то, небось, наработал?

Москва. Год 1974. Кабинет Бурлатиса

– Проходите, Константин Фёдорович, присаживайтесь... Ну что, осваиваетесь на новом месте, кабинет не жмёт? Не хоромы, конечно, зато из окна перспектива открывается хорошая!

Константин улыбнулся, давая понять Бурлатису, что он его тонкий намёк оценил.

– Ничего, ничего, – продолжил Роберт Генрихович, – будешь себя правильно вести – будет у тебя кабинет посolidнее: как у меня, а то и поболее. И жильё собственное будет, но со временем. Сразу это невозможно. Понимать должен.

– Я понимаю, Роберт Генрихович. Вы ведь не Хоттабыч!

– Да уж, куда ему до меня! – хохотнул Бурлатис и тут же продолжил уже серьёзно:

– «Наколдую» я тебе квартирку к концу года, обещаю. А пока могу добыть только комнату в общежитии. Но тебе ведь это ни к чему, или я ошибаюсь?

– Не ошибаетесь, Роберт Генрихович, ни к чему. В родительской квартире мне удобнее.

– Значит, вопрос с твоим размещением будем считать временно решённым. А вот машина закрепляется за тобой с сегодняшнего дня. Вроде всё... Или есть какие-нибудь просьбы?

– Есть, Роберт Генрихович!

– Излагай.

– Я хотел бы попросить вас поучаствовать в судьбе Степана Григорьевича Безбородько.

– Это которого?.. А... припоминаю...

Бурлатис вперил в Константина потяжелевший взгляд.

– А стоит ли, Константин Фёдорович, растрачивать энергию на отработанный материал?

Константин выдержал взгляд Бурлатиса, глаз не отвёл.

– Он мне очень помог в Сибири. Я его должник.

Взгляд обер-чиновника утратил суровость.

– Это меняет дело. Долги надо платить. Хорошо, решу я этот вопрос. В столицу, конечно, твой протее не вернётся, хватит с него и областного центра!

– Спасибо, Роберт Генрихович!

– Пустое, иди, работай...

То же кабинет год спустя

– Что застыл на пороге? Проходи, присаживайся... зя-тёк!.. Только не надо изображать невинность. Иришка мне всё рассказала...

– Мы же договорились, что я приду к вам с Валентиной Марковной просить её руки, вот тогда бы вы и узнали!

– А кто тебя освобождает от этой процедуры? Мы семейство благородное. Желаем, чтобы всё было честь по чести. Так что в ближайшее воскресенье ждём тебя с визитом. А на Иришку не сердись. У неё от меня секретов нет. От матери – есть, а от меня – нет... Да ты не сомневайся, женой она тебе будет хорошей. Если сумеешь в достатке и холе содержать, разумеется. Но пригласил я тебя не за этим. Вернее, не только за этим... Присмотрелся я к тебе за прошедший год и решил поговорить откровенно. Тем более что вот-вот породнимся. Нравится мне, как ты себя ставишь. С подчинёнными ровен, но без панибратства. Начальству угодить умеешь, но жополизом не слывёшь... Да ты не морщись, слово для такого случая самое подходящее! Думаю, из тебя со временем выйдет отличный чиновник. Чиновник не в смысле занимаемой должности, а в смысле состояния души.

– Это как?

– Поясняю. Чиновник по состоянию души это тот, кто рас-

пределяет блага. Не важно, какие: деньги, ордена или пайку хлеба. Потому чиновники существуют везде: в присутственном месте, в штабе, в тюремной камере. Главное, чтобы было чего распределять! И делать своё дело чиновник должен добросовестно. Ибо, если произойдёт сбой в системе распределения благ, то зашатается государство, поскольку эта система лежит в его основе.

– А как же коррупция?

– Это не про чиновников. Это про недобросовестных госслужащих и идиотов начальников, которые глубже своего кошелька не заглядывают!

– Получается, что все чиновники – честные люди?

– Представь себе, да! Все нормальные чиновники априори честные люди!

– То есть все чиновники живут на одну зарплату?

– Перехвалил я тебя, брат... Сам-то понял, что сказал?

– Что-то я запутался...

– Запутался – распутаем! Есть непреложные истины, которые надо помнить. Истина первая: «Человек, сидящий на распределении, не может быть нищим – это противоречит самой природе человека». Не отделять себе часть благ чиновник не может. Заметь – отделять, а не воровать! Брать своё законное, пусть нигде и не прописанное...

– А чему равно это «своё»?

– А вот на это есть другая истина: «Человек, сидящий на распределении, не должен быть жадным – жадность ведёт

к гибели»! Истина третья: «Чиновник должен добросовестно трудиться на благо государства – без государства он ничто»!

Потом были истины четвёртая, пятая и так далее... Всего полчаса продолжался этот «урок». Но именно он сцементировал мировоззрение Константина Агафонова.

Игорь

Кабинет полковника спецслужб Кондратьева. Год 1973

– Товарищ полковник, лейтенант Селиванов по вашему приказанию прибыл!

– Проходите, лейтенант, присаживайтесь...

Полковник закрыл лежащую перед ним на столе папку.

– Вот знакомлюсь с вашим делом и диву даюсь: как ладно складывается ваша биография. Спецшкола – с отличием! Институт, без отрыва от спецшколы, – с отличием! Мастер спорта по рукопашному бою, мастер спорта по стрельбе и по плаванию. Три иностранных языка и школа актёрского мастерства в придачу... Не многовато достоинств для лейтенанта?

– Это не достоинства, товарищ полковник, это необходимые навыки. Превратятся ли они в достоинства – покажет только служба!

– Достойный ответ! Что ж... будет тебе служба, лейтенант! В одной из европейских стран наш резидент добыл важную информацию. Крайне важную, но скоропортящуюся. Если эта информация не ляжет мне на стол до четверга

следующей недели – она превратится ни во что. При добыче информации резидент сильно наследил, по-другому не получалось. Сейчас он находится под колпаком у западных спецслужб. Но брать они его не спешат. Хрен знает почему, вариантов много. Да и не в резиденте дело. На его ближайшее будущее мы уже повлиять не можем. Нам нужна информация. И доставишь нам её ты! Последнее, что успел передать резидент: информация в надёжном месте, он ждёт связника. Вот ты и будешь этим связником... У тебя вопрос?

– Так точно! Если резидент под колпаком, как я уйду после встречи?

– Не знаю. Но если резидент затребовал связника, значит, у него заготовлен вариант для его отхода. Он человек опытный, зря горячку пороть не будет... Короче, на подготовку операции и сборы даю сутки. Завтра, то есть во вторник, ты должен быть в пути!

Где-то в Европе...

Ответственный сотрудник Министерства иностранных дел одной из западноевропейских стран – он же резидент советской разведки – находился в своей квартире и ждал связника. По его расчётам, тот должен был быть на подходе. Если это не так, то жертва, на которую он пошёл, будет напрасной. Господи, только не это! С жизнью он попрощался ещё тогда, когда пошёл ва-банк, чтобы добыть нужную Москве бумагу.

В дверь позвонили. Резидент открыл и слегка опешил. На пороге стояла очаровательная блондинка и забавно хлопала длинными ресницами.

– Великодушно простите. Но я забыла дома часы. Вы мне не разъясните, который час?

Слова «великодушно», «забыла», «мне», «разъясните» и «час» были паролем. Их можно было использовать в любой словоформе, но обязательно в такой последовательности.

– Странно, однако, проходите. Часы в комнате. Обувь можете не снимать.

Слова «странно», «однако», «комната», «обувь» и «можете» были ответом на пароль. Мужчина и девушка проследовали в комнату. Там резидент протянул посетительнице лист бумаги с заранее написанным на нём от руки текстом. Запись гласила: «Времени в обрез. Берите и уходите!» Девушка

прочла, вернула листок резиденту и вопросительно на него посмотрела. Тот взял лист, протянув взамен ключ от ячейки камеры хранения и листок с адресом вокзала. Девушка всё приняла, но вопрос во взгляде не изменила. Резидент кивнул и, подойдя к стеллажу с книгами, нажал на какой-то выступ. Стеллаж отошёл в сторону, открыв проход в стене. Девушка по-мужски пожала резиденту руку и исчезла в проёме. Резидент вздохнул и вернул всё на место. Потом бросил листок в пепельницу и поджёг. Когда листок догорел, резидент смял обуглившиеся останки пальцами руки. За этим занятием его и застали агенты спецслужб, которые ворвались в квартиру...

– Где ваша посетительница?

– Не пойму, о ком вы говорите...

Всё обыскать! – приказал старший группы.

Проход в стене удалось обнаружить через четверть часа. Он вёл в квартиру, расположенную в соседнем подъезде. Там была обнаружена большая сумка с женскими вещами и белым париком. После опроса, агенты, дежурившие возле дома, показали, что из соседнего подъезда минут пятнадцать назад вышел молодой мужчина, лица которого разглядеть не удалось. Старший группы подошёл к резиденту.

– Пошли.

Тот расслышал в его голосе ожидаемый приговор, но выдержку сохранил, только слегка побледнел...

На следующий день Игорь Селиванов, который пересекал Балтийское море на пароме, идущем в Хельсинки, прочёл в свежей газете небольшой некролог, где сообщалось о гибели в автомобильной аварии некого важного дипломата. Отбросив газету, Игорь прошёл в бар и заказал водки...

Кабинет полковника спецслужб Кондратьева. Три дня спустя...

– С благополучным возвращением, лейтенант!

Игорь не ответил. Лицо его было хмурым. Полковник догадался о причине такого поведения Селиванова, и, придав голосу должную толику скорби, произнёс:

– Такая уж у нас работа! Он знал, на что шёл...

Игорь кивнул.

– А ты радуйся, что живой! – уже другим тоном произнёс Кондратьев. – За успешно проделанную работу ждёт тебя звёздочка на погоны и медаль на грудь, поздравляю!

– Служу Советскому Союзу!

– Начал ты неплохо, – продолжил полковник. – Можешь сделать приличную карьеру в качестве оперативника. Но есть другой вариант. Мне предложили возглавить новый отдел. Аналитический. Там, правда, звания дают по выслуге и награждают нечасто...

Полковник сделал паузу и выжидающе посмотрел на Селиванова.

– Зачем вы мне всё это говорите, товарищ полковник? Мой долг служить там, где Родина прикажет!.. В аналитики, так в аналитики!

Полковник поначалу даже слегка опешил от подобного цинизма, а потом расхохотался.

– А ты мне определённо нравишься, товарищ старший лейтенант!..

Через два года старший лейтенант Селиванов женился на дочке полковника Кондратьева Алевтине...

Илья

Прянск. Год 1975-й

Не в кайф жилось Илье Фетисову последнее время. Обрыдло все: работа в районной прокуратуре, «красавица» жена, но, больше всего, Прянск. Нет, город был вполне приличный, как-никак областной центр! Но всё-таки не Москва. Москва... Он, коренной москвич, любил свой город до умопомрачения и никогда бы не покинул его, кабы не тот злосчастный привод в милицию. И хотя с помощью друзей школу он окончил с чистыми документами, поступать в московский вуз всё-таки не решился. Мало ли что. Уехал в Прянск, где жила его тётка по матери, и поступил в местный университет на юридический факультет. А потом... И угораздило же его влюбиться в дочку районного прокурора! Так он оказался в прокуратуре, под крылом у тестя, а не в адвокатуре, как хотел сам. С той поры прошло два года и ему надоело всё. Надоела работа, хотя тесть упорно продвигал его по служебной лестнице. Надоела жена, которую он уже давно разлюбил и от которой стал похаживать налево. Правда, делал он это весьма осмотрительно. Даже снял для этой цели квартиру. Но шила в мешке не утаишь, супруга стала что-то подзревать. И чтобы привязать мужа покрепче чуть ли не каж-

дый вечер заводила разговоры о ребёнке. От её слов Илья тихо сатанел. Его стала посещать мысль: а не бросить ли всё? Но в приснопамятные советские времена сделать это прокурорскому работнику, да ещё и коммунисту, было ой как непросто! Если, конечно, без скандала. А со скандалом в Москве, куда стремились все помыслы Ильи, делать было нечего. Вот он и ломал голову, как всё так обстряпать, чтобы и рыбку съесть и партбилета не лишиться...

Решение пришло в самый обычный день, когда по своему обыкновению он зашёл пообедать в лучший в городе ресторан при гостинице «Интурист». Пришло в виде упитанного бодрячка, испросившего разрешения присесть к нему за столик.

– А ведь у меня к вам дело, Илья Игоревич, – произнёс незнакомец после того, как сделал заказ.

– Вы кто? – вяло поинтересовался Илья. Ни страха, ни интереса он на тот момент не испытывал.

– Я Шумский Борис Львович, адвокат...

Шумский был известным московским адвокатом, который посетил Прянк в связи с очень громким делом о хищении в особо крупных размерах. По-доброму, это дело должен был вести сам районный прокурор, или, на худой конец, очень опытный сотрудник. Но тесть Ильи Игоревича, желая угодить зятю, поручил это дело ему, под своим, правда, неусыпным надзором. Именно благодаря этому надзору дело

выглядело абсолютно беспронимательным для обвинения.

Фетисов с интересом посмотрел на столичную знаменитость.

– И сколько же вам заплатили, раз вы согласились осуществлять защиту по такому тухлому делу. Ведь вашему подзащитному светит расстрельная статья.

– Но ведь, насколько мне известно, дело всё ещё в прокуратуре?

– Но только до завтрашнего утра.

– Тогда у нас с вами вагон времени!

– Что значит «у нас с вами»?

– Это означает, что я хочу предложить вам, для начала, прочитать один любопытный документ.

Шумский положил перед Фетисовым, на свободное от тарелок место, листок бумаги.

Илья Игоревич скептически поджал губы, но всё-таки взял листок в руку. Это был протокол того самого комсомольского собрания, где Фетисову был объявлен строгий выговор без занесения за фарцовку, и который он собственноручно порвал год спустя на глазах у улыбающегося Кости Агафонова. Фетисов неодобрительно покачал головой и небрежно перекинул листок на половину Шумского.

– Подделка!

– Не спорю. Ведь от оригинала вы предусмотрительно избавились с помощью своего друга Агафонова. Но заметьте,

подделка очень искусная. Бумага написана рукой той самой Аси Кочкиной, которая была секретарём памятного вам собрания.

«Вот Аська сука!» – ругнулся про себя Илья.

Как бы прочитав его мысли, Шумский мягко заметил:

– Не стоит её корить. Девочке очень нужны были деньги...

– И во сколько же вам обошлась эта «липа»? – поинтересовался Илья.

– Если мы договоримся, вы получите на два порядка больше!

– И сколько это будет в денежном эквиваленте? – Илья всем своим видом давал понять, что поддерживает разговор из скуки.

Шумский достал авторучку и написал на салфетке цифру. После чего протянул салфетку Фетисову.

– Выходит, Аська продала меня за двести рублей, – усмехнулся Фетисов, прочтя цифру на салфетке.

– Для неё это были большие деньги...

– Наверное... А с чего вы взяли, что я буду вам в чём-то помогать?

– Протокола, выходит, недостаточно?

– Поддельного?

– Протокол пусть и поддельный, зато собрание было настоящее. И доказать это не составит большого труда.

– И что с того? Под следствием я не был. Так что никого не обманывал.

– Но кое-что утаили. Поэтому неприятности гарантированы. Впрочем, согласен, это мелочь. Так, гарнир к тому блюду, которым я хочу вас попотчевать!

– Ну, что ж, давайте это ваше блюдо. А там посмотрим, отведать его или...

– Или не будет! Я предлагаю вам комплексное решение всех ваших проблем, как то: уход из прокуратуры, развод с женой, переезд в Москву, наконец, место в коллегии адвокатов и гарантированную практику. Всё это, заметьте, в качестве бонуса к той сумме, с которой я вас ознакомил. И никакого шума, или, упаси бог, скандала. А взамен вы поможете мне развалить известное вам дело.

В голове Ильи что-то щёлкнуло. «А, пропади оно всё пропадом! О чём думать, если тебе предлагают всё и сразу?»

– Что от меня требуется?

В глаза Шумского вспыхнул огонёк удовлетворения.

– Я рад, что не ошибся в вас. Возьмёте дело – только не надо говорить, что его нельзя выносить из прокуратуры! – и принесёте вот по этому адресу...

Фетисов взглянул на ещё одну салфетку.

– Это что, «малина»?

– Ну, зачем вы так... Это квартира, которую по моей просьбе предоставили мне мои друзья специально для встречи с вами...

– И понатыкали там разной записывающей аппаратуры. Не пойдёт!

– Что предлагаете вы?

– В пять часов я выйду из прокуратуры. В пять двадцать вы подсядете в мою машину на противоположной от входа в гостиницу стороне улицы, и мы поедем на мою «конспиративную» квартиру.

– Где будет установлена уже ваша аппаратура...

Фетисов пожал плечами.

– А хоть бы и так? Вам-то чего бояться?

– А вы, пожалуй, правы... Хорошо, пусть будет так!

– Что будем делать? – спросил Илья, когда они с Шумским расположились за столом в снимаемой Фетисовым квартире.

– Всё очень просто, – Шумский листал дело. – Сейчас заменим несколько ключевых документов, лежащих в основе обвинения, на точно такие же, но поддельные...

– И что это даст?

– А вы не понимаете? Я на суде потребую повторной экспертизы этих бумаг и когда выявится фальсификация, потребую на этом основании изменить формулировку обвинения с «хищения в особо крупных размерах» на более мягкую.

– Но ведь ваш клиент всё одно «сядет»?

– «Сядет», никуда не денется! Этого не избежать. Но под расстрел-то не попадёт? Кстати, откажитесь под благовидным предлогом от поддержки обвинения в суде. Пусть это сделает кто-нибудь другой.

– Это я уже и сам сообразил.

***

– Илья, как такое могло произойти?

Прокурор был бледен и держался за сердце. Он несколько минут как вернулся из суда, где только что отпраздновал сенсационную победу Шумский.

– Откуда мне знать? – пожал плечами Фетисов. – Доступ к папке имел не я один...

– Ты хочешь сказать, что это я подменил бумаги?

Прокурор привстал, но тут же снова рухнул в кресло. Лицо его посерело. Фетисов брезгливо поморщился и вышел из кабинета. Бросил на ходу секретарше: – Вызывайте «скорую», ему плохо, – и пошёл в свой кабинет писать заявление об уходе...

Когда через час Фетисов вновь зашёл в приёмную, секретарша взглянула на него, как на Дракулу. Фетисов обернулся, делая вид, что проверяет, нет ли кого сзади, пожал плечами и спросил:

– У кого подписать заявление?

Секретарша молча кивнула на кабинет заместителя прокурора. Фетисов постучал, дождался разрешения и вошёл.

Заместитель прокурора встретил его улыбкой. Что и не удивительно, он уже давно метил в прокурорское кресло.

– А чего стучал? Марина где?

– На месте, но в ступоре...

– Понятно... Чего хотел?

Фетисов протянул заявление.

– И куда собрался? – спросил заместитель прокурора, читая бумагу.

– Решил вернуться в Москву.

– И правильно решил. Дома оно завсегда лучше!

«Ай да Шумский, – думал Фетисов, покидая кабинет, – и здесь подсуетился!»

В областной прокуратуре никаких препон чинить не стали и завизировали просьбу об увольнении. В конце дня Фетисов, слегка ошалевший от такого везения, шёл домой уже совершенно свободным от службы человеком. Квартира встретила его открытыми дверцами шкафов и запиской на столе.

«Так поступают или недотёпы, или подлецы. Ты не недотёпа. А с подлецом я жить не желаю! На развод подам сама». Внизу стояло имя жены.

«Вот и всё, – подумал Фетисов. – Пора собираться в дорогу». И достал с полки чемодан.

В Москву он ехал в одном купе с Шумским...

«Мушкетёры» двадцать лет спустя

Москва. Июнь 1991 года.

**Дальний столик в полупустом
зале одного из престижных
московских ресторанов**

Идея собраться вместе не по случаю чьего-то дня рождения, а для делового разговора, принадлежала сотруднику аппарата Правительства РСФСР Константину Фёдоровичу Агафонову. И чтобы придать встрече нужную направленность он взял слово уже после первой рюмки коньяка.

– Други мои! Даже непосвящённому видно, что в стране грядут глобальные перемены. А мы с вами люди посвящённые. Ты, Игорёк, неплохо продвинулся по служебной лестнице в центральном аппарате КГБ, а ты, Илюша, свой человек как среди интеллигенции, так и в определённой среде. Я имею в виду криминальный мир. Без обид, ладно? У меня нет сомнений, что все мы патриоты России. Не того хилеющего на глазах монстра, имя которому СССР и который вот-вот развалится, но новой сильной и процветающей России. За Россию, друзья!

Содержимое второй рюмки коньяка благополучно проследовало вслед за содержимым первой.

– Но мы все так же хотим, – продолжил Константин, – чтобы нам самим в этой новой России жилось сытно и уютно.

Друзья одобрительно молчали.

– А для этого необходимо чтобы у руля были те люди, которым мы доверяем, и вели они страну тем курсом, который нам выгоден!

Константин сделал паузу и оглядел сотрапезников, которые, в свою очередь, сторожко смотрели на него пытаясь сообразить, куда он клонит.

– Вы спросите, как этого добиться? – продолжил развивать мысль Константин. – Можно, конечно, пойти во власть самим. Но ведь это так утомительно: быть всё время на виду. Гораздо полезнее для здоровья контролировать власть со стороны, как паук, сидящий в центре паутины, контролирует ситуацию на всём её пространстве.

– То есть ты предлагаешь... – начал соображать Илья.

– Вот именно! Я предлагаю создать Паутину, в центре которой будем мы трое, а на концах нитей будут болтаться чиновники, политические деятели, воры в законе, военные чины и так далее и тому подобное!

Игорь шумно вздохнул и разлил коньяк по рюмкам.

– За осмысление сказанного!

Выпили молча. В разговоре возникла пауза. Константин ждал, что ответят на его предложение товарищи, а те соби-

рались с мыслями. Молчание прервал Игорь:

– Если я правильно понял, ты предлагаешь нам объединиться в некий консорциум по сбору полезной информации и её последующему разумному использованию?

– Я бы лучше не сформулировал! – восхитился Илья.

Костя улыбнулся.

– Вы правильно поняли, ребята! В общих чертах всё выглядит именно так. Детали будем обсуждать по ходу дела. Вы согласны?

Игорь разлил по рюмкам коньяк.

– За Паутину!

– За успех нашего дела! – поднял рюмку Илья.

– За дружбу! – подытожил Константин.

Кабинет генерала Кондратьева. Август 1991 года

Игорь давно не видел тестя таким возбуждённо-приподнятым.

– Проходи, Игорёк, присаживайся!

Такое обращение тоже следовало отнести к разряду необычных. Как правило, в служебной обстановке генерал обращался к Селиванову «товарищ капитан», а с недавнего времени «товарищ майор».

– Всё, Игорёк. Конец этой демократической вакханалии! Через пару деньков мы их прихлопнем и начнём восстанавливать в Союзе настоящий советский порядок! Только помни – это пока секрет! Тебя предупреждаю как мужа моей дочери: поостерегись со своим вольнодумством! Большего тебе знать не следует. Иди и помни, что я тебе сказал!

Игорь шёл по коридору и размышлял: «Неужели он и в самом деле верит, что колесо истории ещё можно повернуть вспять? Старый наивный дурак! Однако дело, кажется, серьёзное, надо срочно переговорить с Костей и Ильёй».

Тот же ресторан и тот же стол...

– И что, по-твоему, это может означать? – спросил Константин, когда Игорь закончил пересказ своей беседы с Кондратьевым.

– Всё что угодно, вплоть до насильственного захвата власти!

– Военный переворот?

– Не исключено.

– Добро! Будем исходить из худшего. А пока давайте прикинем, что в этой ситуации делать нам?

Фетисов высказался однозначно и весьма категорично:

– Ничего у них не выйдет! Интеллигенция на девяносто процентов будет не на их стороне!

– Интеллигенция что... – задумчиво продолжил Селиванов. – На неё как следует дунуть – она утухнет. А вот то, что армия, внутренние органы и даже спецслужбы по большей части либо сохраняют нейтралитет, либо перейдут на другую сторону – это уже очень серьёзно!

– Стало быть, шансов у мятежников никаких? – попыток Агафонов.

– Никаких! – твёрдо сказал Илья.

– Никаких, – поддержал его Игорь. – Но дров наломать могут.

– Тогда в наших интересах сделать всё возможное, чтобы

этих ломаных дров было как можно меньше. Но усердствовать излишне тоже не надо, чтобы кого-нибудь не задело отлетевшей щепкой, в полном соответствии с «Правилом отскока».

– «Правило отскока»? – переспросил Игорь. – Это что-то из твоего любимого бильярда?

– Я краем уха слышал, что в бильярде есть правила каких-то градусов – наморщил лоб Илья. – Это из той же оперы?

– Не совсем, – мотнул головой Костя. – «Правило отскока» я придумал чисто для себя. «При ударе всегда надо иметь в виду, что шар может не упасть в лузу, а отскочить в поле. В идеале, отскок не должен помогать сопернику».

– Мудрёно, – усмехнулся Илья. И что, это правило тебе помогает?

– В бильярде, честно говоря, нет, – рассмеялся Костя. – А вот в жизни...

– Не предпринимай действий, которые в случае неудачи обернутся против тебя. Так, что ли? – уточнил Игорь.

– Где-то так, – кивнул Костя.

Кабинет Бурлатиса. Часом позже

– Переворот, говоришь, затевают... Твой источник надёжен?

– Абсолютно!

– А что... похоже на правду. Тем более что твой сигнал не единственный... Молодец! Информацией пока ни с кем больше не делись. Я пошёл «наверх»!

Не имеет смысла пересказывать события августа 1991 года. На эту тему и так изведено достаточно бумаги. Замечу только, что среди защитников «Белого дома» отметились и Агафонов и Фетисов...

Бывший кабинет генерала Кондратьева. На второй день после «подавления путча»

– Присаживайтесь, подполковник!

Новый хозяин кабинета радушно указал Селиванову на стул.

– Честно говоря, не ожидал увидеть вас по нашу сторону баррикад. Удивили... Приятно удивили! В «Белом доме» вашу информацию оценили весьма высоко. Значит, собственного тестя не пожалели... Ладно, лирику побоку – к делу! Вот ордер на арест генерала Кондратьева. Конвой готов, ждут только вас!

А ты молодец, зятёк...

Когда автомобиль остановился у знакомого подъезда, Селиванов распорядился: – Без моей команды в квартиру не подниматься! – и вышел из машины.

Дверь открыл сам генерал Кондратьев. Он был гладко выбрит, одет в парадный мундир при всех наградах. От него пахло дорогим коньяком и не менее дорогим парфюмом. При виде Игоря в глазах генерала промелькнула искорка удивления, но тут же погасла. Кондратьев посторонился и жестом пригласил Селиванова войти.

– Честно говоря, не думал, что это будешь ты... И уже подполковник? Поздравляю... А где конвой?

– Ждёт внизу...

– Спасибо и на том. Пара минут у нас есть?

– И даже больше.

– Тогда проходи в кабинет, побеседуем напоследок...

В кабинете генерал указал Игорю на кресло, стоящее возле журнального столика, сам сел напротив.

– Выпьешь? – генерал взял со столика бутылку коньяка.

Игорь отрицательно покачал головой.

– А я выпью...

Генерал наполнил рюмку и по-армейски опрокинул в рот. Немного помолчал, потом спросил:

– Это ты меня заложил?.. Можешь не отвечать. Ты правильно поступил! Это я, старый дурак, обмишурился... Слава богу, теперь хоть за дочь и внуков буду спокоен... Если что спросить хочешь – спрашивай спокойно. В квартире жучков нет, я проверял...

– Сергей Петрович, где архив?

– *Вона* как! Архивом моим интересуешься... Впрочем, лучше тебе, чем им... Архив в чемодане в камере хранения Курского вокзала. Вот номерок и квитанция... Как у нас со временем?

– Вышло время, Сергей Петрович!

– Ну, вышло, так вышло... Ты, вот что, Игорь, подожди в гостиной. Я скоро... И возьми письмо для Али...

Игорь положил письмо во внутренний карман кителя и вышел за дверь. Выстрел прозвучал менее чем через минуту. Игорь заглянул в кабинет. Генерал осел в кресле. Из прострелянного виска сочилась кровь. Возле свесившейся почти до ковра руки лежал наградной пистолет.

Усаживаясь рядом с водителем, Селиванов, не оборачиваясь, отдал приказ:

– Генерал Кондратьев застрелился. Поднимайтесь в квартиру. Оформите всё как положено, и проведите обыск!

Когда заднее сидение опустело, подполковник отдал распоряжение водителю:

– В Контору!

Бывший кабинет генерала Кондратьева. Получасом позже...

– Вы не оправдали доверия, подполковник! И я...

В этот момент дверь в кабинет открылась, и вошёл генерал Ерёменко. Он взглянул на разгорячённого хозяина кабинета, на вытянувшегося в струнку Селиванова и спросил:

– Что здесь происходит?

– Товарищ генерал, по халатности или по умыслу подполковник Селиванов провалил операцию по аресту генерала Кондратьева, дав ему возможность застрелиться! – поспешил отпартовать хозяин кабинета.

– А ты что, полковник, хотел, чтобы наш бывший товарищ предстал перед судом? Это с его-то заслугами и его знаниями о наших делах?

– Виноват, товарищ генерал, как-то не подумал...

– А подполковник подумал! Благодарю за службу, подполковник Селиванов!

– Служу России!

– Иди, служи дальше...

ЦКБ. Те же дни...

Ирина встретила Костю в вестибюле.

– Пойдём скорее, он тебя ждёт!

Возле палаты она попросила мужа подождать и исчезла за дверь. Вскоре она появилась вновь, но уже в сопровождении Валентины Марковны. Глаза тёщи были красными, но держалась она в целом молодцом.

– Иди, Костя, он о тебе спрашивал.

Константин вошёл в палату. Роберт Генрихович лежал на кровати, возле которой стояли разные приборы и приспособления. От них к умирающему тянулись провода и трубки. Константин подошёл и присел на стоящий у изголовья стул. Бурлатис слабо улыбнулся:

– Всё, зятёк, пришла и моя пора...

– Ну что вы, Роберт Генрихович... – начал, было, Костя, но Бурлатис его остановил:

– Брось. На ложь у меня времени уже нет. Выдвини верхний ящик тумбочки и достань оттуда ключ... Покажи... Он! Это ключ от сейфа в моем домашнем кабинете. Ключи от нашей квартиры у тебя есть? Хорошо... Поезжай туда немедленно, пока я ещё жив, и заberi из сейфа все бумаги. Этой мой архив. Да поторопись. Как только я «перекинусь» – всё сразу опечатают. Наклонись, я скажу тебе шифр замка...

Бурлатис негромко, но чётко продиктовал цифры.

– Запомнил? Теперь иди. Позови Валюшу и Иришку. Буду прощаться...

Агафонов наклонился, поцеловал тестя в холодеющую щёку, встал и покинул палату...

Макраме из паучьих нитей

Наследство, перешедшее от генерала Кондратьева и функционера Бурлатиса, заметно обогатило Паутину. Несколько месяцев ушло у друзей на систематизацию попавшего к ним в руки компромата. В итоге все повисшие на ниточках Паутины были поделены на две большие группы: «фигуранты» и «агенты». К «фигурантам» отнесли тех, кого предполагалось использовать либо втёмную, либо снабдив их только частью информации. «Агенты» должны были выполнять всю оперативную работу, поэтому знать они могли значительно больше, чем «фигуранты», но опять-таки не всё. Всё было известно только трём лицам, находящимся в центре Паутины: Агафонову, Селиванову и Фетисову.

И для давления на «фигурантов», и для вербовки «агентов» использовались одни и те же методы: шантаж и деньги. Вы спросите, откуда у подельников взялись деньги? Всё очень просто. Паутина давала доступ к людям, владеющим информацией, которой они, хотя и против воли, вынуждены были делиться с нашими «героями». А информация стоит дорого. Особенно сулящая большие барыши. А если спустя время прижать обогатившегося за счёт купленной информации бизнесмена угрозой разоблачения, – ведь обогатился он, получается, незаконно – то это вынудит его рас-

кошелиться. Главное – не переборщить, не нарушить «Правило отскока». Сумма должна быть для бизнесмена подъёмной. Тогда он не побежит в органы и не станет прибегать к менее законным приёмам. Так или иначе, но постепенно на тайных счетах Паутины скопилась изрядная сумма в рублях и в валюте. И не только в России, но и за рубежом. Деньгами распоряжались грамотно. Заветы покойного Бурлатиса не пропали даром. Себе Одноклассники оставляли ровно столько, сколько требовалось для комфортного существования их самих и членов их семей, плюс некий запас на чёрный день. Большая часть средств шла в особые фонды и направлялась на развитие Паутины. Простой пример. Создаётся некий некоммерческий фонд поддержки остро нуждающихся в материальной помощи. Небольшая часть средств идёт на помощь простым людям, для которых это действительно манна небесная. Но вот какому-то важному человеку срочно требуются деньги, допустим, на лечение одного из близких ему людей. Фонд тут как тут. Деньги нашлись. Близкий человек спасён. Принявший «дар» счастлив и не знает, что уже висит на паучьей нити. Невесть откуда взявшиеся деньги при правильном раскладе – серьёзная зацепка.

А вот вам пример вербовки «агентов». Изучая архив покойного генерала Кондратьева, Селиванов наткнулся на один очень любопытный документ. Он касался ответственного работника кадрового управления Конторы подполковника Ильи Петровича Резвого.

Поскольку канцелярский стиль генерала Кондратьева плохо подходит для вставки в литературное произведение, я взял на себя смелость слегка подретушировать выдержку из документа.

«Илья Петрович Резвый является потомственным мерзавцем. Его дед по отцовской линии Пётр Ильич Резвый до 1917 года был провокатором. До Февральской революции он усердно сдавал своих товарищей по партии эсеров (социалистов-революционеров) царской охранке. Во время февральской смуты Пётр Ильич с тем же усердием участвовал в разгроме всё той же охранки и убийствах своих бывших начальников. И, надо сказать, преуспел. Ибо после этого не осталось ни свидетелей, ни бумаг, которые могли бы подтвердить его службу в Охранном отделении. Но это, однако, не вернуло Петру Ильичу уже утраченное доверие товарищей по партии. Ничтоже сумняшеся он, «по идейным соображениям», покинул партию эсеров и переметнулся к большевикам. Активно участвовал в Октябрьском перевороте, затем не покладая рук трудился в ЧК. Трудился усердно, настолько, что уже скоро руки его были по локоть в крови и совсем даже не в переносном смысле. В конце концов, переусердствовал. Крестьянские вилы, воткнутые со всего маху в живот командира продотряда товарища Резвого, пригвоздили его к вечности. Гибель Петра Ильича не сошла убийцам с рук. Вскоре в деревню прибыли каратели и восстановили «социалистическую законность». Особенно усердство-

вал молодой чекист Петя Резвый. Усердие было отличительной чертой этого малопочтенного семейства. Петя, а впоследствии Пётр Петрович Резвый, уверенно шёл по стопам отца. Первый донос он написал на собственного командира, принимал личное участие в его расстреле и занял освободившееся место. А потом были долгие годы лагерей... Но не спешите сочувствовать горькой участи Петра Петровича, не его перемалывали все эти годы в лагерную пыль, а он сам проводил этот изуверский эксперимент над тысячами повинных, мало повинных и вовсе ни в чём не повинных людей.

И только «хрущёвская оттепель» положила конец его гнусной карьере. Резвого живенько спровадили на пенсию «по состоянию здоровья», правда, подсластив пилюлю орденом и званием «персональный пенсионер». Но оба эти обстоятельства мало утешили привыкшего властвовать генерала. Вскоре он отошёл в мир иной, – то ли с тоски великой, толи от чрезмерного употребления алкоголя – оставив вдову с маленьким Илюшей на руках и немалым состоянием в сундуках. Мать Ильи Петровича, женщина в те годы ещё довольно на вид привлекательная, вскоре нашла утешение в браке с также недавно овдовевшим секретарём местного райкома партии. Мария Спиридоновна – так звали мать Ильи – своего бывшего мужа при жизни боялась и тайно ненавидела. Поэтому она приложила все усилия, для того чтобы мальчик вырос непохожим на своего отца. Но увы! Гены семейства Резвых оказались сильнее материнской любви. Илья рос ябе-

дой и провокатором. То есть, сначала подбивал своих доверчивых сотоварищей на разные шалости, а потом их же и закладывал. Но делал он это не напрямую, а как бы против воли, проявляя каждый раз похвальный артистический талант и смекалку. Кто знает, выбери он иной жизненный путь, может, и вышел бы из него неплохой артист...

В старших классах Илья уже не ябедничал, а всюду доносил. Притом не учителям на учеников, а на всех их вместе в одно государственное учреждение. Делал он это так, что при отсутствии прямых улик подозрение в доносительстве падало всё-таки на него. Вот тогда он впервые по-настоящему ощутил, какую власть над людьми даёт страх. Одноклассники боялись его свирепой силы. Илья рос спортивным мальчиком, а в драках был жесток и беспощаден. Учителя боялись его доносов, особенно после случая с учителем физики. Молодой педагог решил поставить зарвавшегося юношу на место, но вскоре был вызван на беседу в известное госучреждение. Вернулся весьма напуганным, срочно уволился с работы и даже уехал из города. С тех пор учителя, дабы не задевать лишний раз опасного ученика, стали завышать ему оценки. Но даже при том Илья окончил школу с весьма скромным аттестатом. И каково же было всеобщее удивление, когда выяснилось, что Резвый продолжает учёбу в одном из самых престижных московских вузов. А удивляться-то было нечему. Органам нужен был свой человек в институте, и они его получили. После окончания ву-

за Илья Петрович закончил спецшколу и уже вполне легально обосновался в доме на Лубянке».

К документу прилагались оригиналы доносов, в том числе и на ныне здравствующих сотрудников центрального аппарата спецслужб. Одноклассники единодушно решили, что столь ценным кадром пренебречь нельзя. Вербовку, как обычно, поручили Фетисову. Он был известным адвокатом и потому человеком публичным. Мог встречаться с кем угодно без опасения привлечь внимание. В крайнем случае он всегда мог сказать, что действовал не по собственной инициативе, а по просьбе неких поручителей.

Илья Петрович Резвый имел привычку совершать воскресным утром получасовой променад. Для этой цели он облюбовал бульвар неподалёку от своей холостяцкой квартиры. Почему холостяцкой? Просто Илья Петрович был законченной сволочью не только в службе, но и в дружбе. Понятно, что ни одна женщина не могла ужиться с ним под одной крышей. Исключением была только первая жена Резво-го: тихая и скромная женщина, которая безропотно сносила ужасный характер супруга. Но для неё Илья Петрович уготовил другую роль – воспитывать сына. Поэтому, когда уходил из семьи «по тактическим», как сам объяснил, соображениям, он предупредил бывшую жену, что хотя они официально и числятся отныне в разводе, но ответственность за материальное обеспечение семьи он с себя не снимает. Она же

должна всю себя посвятить воспитанию сына, не делая попыток снова выйти замуж. И вот что странно, она таки согласилась! Надо сказать, что бывшие супруги скрупулёзно соблюдали взятые на себя обязательства. Илья Петрович регулярно перечислял семье деньги и даже, изредка, навещал сына в не такой уж далёкой от Москвы Карелии. Мать же Петечки – так назвал сына Илья Петрович – тихо увядала возле любимого сыночка, не подозревая, что ей уготована одинокая старость. Так, по крайней мере, планировал поступить Илья Петрович. Вернее, он планировал забрать сына от матери, как только тот окончит школу. О судьбе бывшей жены он вообще не задумывался. После первого брака Илья Петрович был ещё дважды женат и оба раза неудачно. Откуда ей было взяться удаче-то при его возмутительном характере? После третьего развода Илья Петрович решил «завязать» и впредь довольствовался лишь мимолётными связями.

Традиционный променад подходил к концу, и Илья Петрович, как обычно, присел на несколько минут на любимую скамейку. Как правило, в столь ранний час его покой никто не нарушал. Но только не сегодня. Не успел Илья Петрович сделать и пары глотков живительного московского воздуха, как к скамейке подошёл мужчина примерно одного с ним возраста.

– Не возражаете? – мужчина явно собирался составить Илье Петровичу компанию.

Тот довольно недружелюбно пробурчал: – Седлайте одолжение! – явно рассчитывая на то, что уязвлённый подобным приёмом незнакомец откажется от своих намерений. Илья Петрович не любил делиться ни с кем и ничем.

Но не тут-то было! Незнакомец сделал-таки «одолжение» и начал обустриваться на скамейке в такой непосредственной близости от Ильи Петровича, что вынудил его отодвинуться в сторону. Настроение было испорчено вконец, и Илья Петрович совсем уж было собрался покинуть «осквернённую» скамейку, когда незнакомец негромко произнёс:

– Торопитесь, Илья Петрович?

– Вы кто?!

Илья Петрович вперил в незнакомца особый «чекистский» взгляд, который, впрочем, не возымел никакого действия.

– Позвольте представиться, – мужчина приподнял над головой шляпу, – Илья Игоревич Фетисов, адвокат...

Имя известного московского адвоката Фетисова было Илье Петровичу знакомо. Опасности в этой пусть и не случайной встрече Резвый пока не видел, поэтому весьма спокойно поинтересовался:

– Я так понимаю, что вам от меня что-то надо?

– Сущие пустяки! Хочу предложить вам ознакомиться с содержимым вот этой папочки...

Адвокат положил на колени кейс, который стоял рядом

с ним на скамейке, достал оттуда тоненькую папку и протянул Резвому. Нехорошее предчувствие кольнуло сердце. Илья Петрович взял папку в руки, раскрыл и быстро убедился, что кольнуло не зря. В папке были копии его доносов на высокопоставленных ныне сотрудников центрально аппарата российских спецслужб. Надо сказать, Резвый давно опасался, что эти бумаги рано или поздно всплывут. Но даже ожидаемая неприятность всегда неожиданна...

– И что из этого следует? – Илья Петрович старался говорить спокойно.

– То, что с этой минуты вам предлагается сотрудничать с одной очень влиятельной организацией.

– Что это за организация?

– Поймите, Илья Петрович, я только посредник и во все детали не посвящён. Могу лишь вас заверить, что это не иностранная разведка, а организация патриотов России...

– И что господам – или всё-таки товарищам? – патриотам от меня надо?

– Выполнения отдельных поручений за весьма приличное вознаграждение.

– А что я с этого буду иметь помимо вознаграждения?

– Гарантии, что эти бумаги не попадут по назначению. Гарантии, что ваше имя никак не будет связано с теми заданиями, которые вы будете выполнять. Гарантии, что со стороны организации будет оказывать посильная помощь в решении ваших личных проблем, а также в продвижении вас по слу-

жебной лестнице.

– Ну, насчёт того, что имя моё никак не будет связано с заданиями, это вы «свистите» – так не бывает... – задумчиво произнёс Илья Петрович. – Но в целом предложение вполне приемлемо.

– Я так полагаю, что можно приступать к обсуждению деталей?..

Шли годы. Паутина разрасталась, постепенно накрывая всю Россию и ближнее зарубежье. А отдельные её ниточки тянулись далеко за границы бывшего СССР. Надо сказать, что друзья до поры до времени весьма рационально использовали свои новые возможности. Они не пытались форсировать события, а лишь в меру сил направляли их в нужное для себя русло. Почти вся агентурная работа по-прежнему лежала на Илье. Константин и Игорь каждый по своему ведомству проводили сбор необходимой информации и осуществляли прикрытие. Избранная друзьями тактика «курочка по зёрнышку клюёт» позволила им создать для себя весьма комфортные условия как в социальном, так и в материальном положении. Это их устраивало до той поры, как у них открылись новые возможности...

История Странника, рассказанная им самим

Странник немного нервничал, что было естественно. В эти минуты решалась судьба эксперимента, к которому он готовился несколько лет. Добавьте к этому одну единственную попытку, которая у него была. А ещё, – Странник это прекрасно понимал – как в случае удачи, так и в случае неудачи, пожизненный контроль со стороны Стражей подпространства был ему обеспечен. Зато, если всё пройдёт успешно, он навсегда избавится от комплекса неудачника, который приобрёл в тот несчастливый день, когда его не включили в состав очередной экспедиции на Землю. Земля... Таинственный мир притягивал Странника ещё со школьной скамьи, когда он впервые услышал это слово. Планета с таким названием кружила вокруг звезды, расположенной в другом конце пространства. На том памятном уроке он с удивлением и восторгом узнал, что существует мир, удивительно похожий на его собственный каким он был пять столетий назад. Открытие этого мира произошло, как и многие гениальные открытия, совершенно случайно. Гиперсканирующий импульс, отправленный для исследования дальнего космоса, был отражён гравитационным полем Чёрной дыры и попал в закрытый сектор пространства. Вот тогда-то и стало известно о существовании Зем-

ли. Отправить туда космическую экспедицию не представлялось возможным в силу наложенного Высшим Разумом запрета на любое вторжение в этот сектор галактики. Сотни пытливых умов стремились к Земле в своих бестелесных мечтаниях, пока они не обрели-таки плоть. Случилось это после того, как был открыт подпространственный переход, и стало возможным попадание в любую точку пространства без космических перелётов. Хотя и тут не обошлось без «но». Оказалось, что подпространство контролируется Высшим Разумом не менее тщательно, чем открытый космос. Но, в конце концов, громкие призывы позволить взглянуть на вождеденный мир хоть одним глазком были услышаны. Правда, разрешение было обставлено такими бюрократическими препонами, что количество счастливицков, получающих доступ на посещение Земли, исчислялось даже не десятками – единицами. Большинство из тех, кто не находил своё имя в списке избранных, после вздоха разочарования переключались на другие не менее интересные проекты. Но находились и те, кто никак не желал смириться. Странник относился к их числу. Тем более что ему до исполнения мечты не хватило всего одного шага. После школы он полностью посвятил себя подготовке к экспедиции на Землю. Для этого он окончил специальное учебное заведение, потом прошёл подготовку в лагере Стражей подпространства. Был включён в состав экспедиции в качестве дублёра и вместе с основным составом отбыл на расположенный в подпространстве

материальный объект, который имел связь с Землёй через специальный портал. На Земле экспедицию курировала специальная служба, называемая «Корпус свестров». Она тайно от остальных землян действовала на планете и отвечала за устранение пагубных последствий, которые инопланетный разум мог бы оказать на развитие земной цивилизации. Целый земной месяц члены экспедиции под неусыпным контролем со стороны свестров путешествовали по различным уголкам Земли, собирая бесценную, с научной точки зрения, информацию. Трудно себе представить степень разочарования Странника, ведь он так и остался всего лишь дублёрсом. Когда другие члены экспедиции отправились на Землю, он, успешно прошедший все стадии подготовки, был вынужден отправиться домой. Это было для него полной катастрофой. Дело в том, что экспедиция на Землю проводилась только один раз в сто земных лет. К началу следующей экспедиции Странник был бы уже в возрасте, исключающем его в ней участие. Отчаяние подвигло Странника на очень рискованный поступок. Он решил стать «прыгуном». Так называли на его планете тех, кто совершал несанкционированные прыжки через подпространство. «Прыгуны» делились на две неравные группы. Подавляющее большинство составляли так называемые «прыгуны-экстремалы», которые, таким образом, восполняли недостаток острых ощущений. У девяноста процентов этой категории «прыгунов» дело не доходило даже до самой попытки. Кто-то отхватывал

нужную долю адреналина от самого процесса подготовки. У кого-то не срабатывала техника. Остальных останавливали Стражи подпространства, контрразведка которых работала весьма эффективно. Десять процентов «прыгунов-экстремалов» попадали-таки в подпространство. Девять процентов отлавливали перехватчики всё тех же Стражей подпространства, и лишь один процент достигал цели – то есть попадал в другой мир и совсем не обязательно на Землю. Там их судьбой занимались местные Стражи подпространства. И редко кому из «прыгунов-экстремалов» удавалось пробыть в другом мире больше часа.

Ко второй, куда как более малочисленной категории «прыгунов», принадлежали «прыгуны-исследователи». Это были фанатики, не сумевшие попасть на Землю легальным способом. Они отличались от «прыгунов-экстремалов» более высоким уровнем подготовки и более совершенной аппаратурой для подпространственных перемещений. «Прыгуны-исследователи», как правило, достигали цели, то есть попадали на Землю, доставляя своим появлением кучу хлопот свестрам. Дело в том, что инопланетян свестры вычисляли с помощью специальных приборов, улавливающих инопланетный фон. Наиболее сильный фон был от самого, собственно, проникновения. Он сохранялся в течение часа, потом быстро сходил на нет. Фонили так же все инопланетные приборы и вещи. Правда, довольно слабо. И чем меньше было на «прыгуне» таких вещей и приборов, тем ниже был

и сам фон. Странник всё это хорошо знал. Потому что был Стражем подпространства. После того как не состоялась его официальная командировка на Землю Странник сделал вид, что смирился с таким положением вещей. Он сменил профессию. После прохождения специального курса стал специалистом по технике особого назначения. А потом поступил на службу в Корпус Стражей подпространства. Нет, на планете Странника вовсе не жили наивные люди. (Мы можем называть их людьми, поскольку они одного рода-племени с человечеством). Странника многократно проверяли на наличие у него отклонений, но он ухитрился пройти все тесты и вот уже три года трудился в Корпусе. Ему приходилось не раз участвовать в пресечении попыток проникновения в другие миры как на планете, так и подпространстве. В итоге он разработал совершенно уникальный план проникновения на Землю.

И вот настал день, когда этому плану суждено было осуществиться...

В этот день Странник вместе с напарником нёс дежурство на перехватчике. Чтобы проникнуть в другой мир нужно сначала выйти в подпространство. Именно в краткий период нахождения «прыгуна» в подпространстве легче всего осуществить перехват.

Странник совершенно будничным движением левой руки привёл в действие механизм экстренного старта. Глаза напарника округлились от удивления. Но прежде чем он успел что-то сделать или хотя бы произнести, правая рука Странника нащупала на его шее нужную точку, и напарник безвольно обмяк в кресле. А перехватчик тем временем уже вышел в подпространство. Погоня стартует не раньше чем через минуту. Этого должно хватить. Странник быстро скинул с себя комбинезон и ботинки, остался в земной одежде изготовленной, правда, на его родной планете, но из материалов идентичных земным, а потому не наводящей фона. Теперь на Страннике не осталось ничего инопланетного по отношению к Земле за исключением двух вещей: биочипа, внедрённого в его организм ещё при рождении, и прибора, с помощью которого он и должен был совершить прыжок. Прибор не превышал размеров макового зёрнышка и был вмонтирован в зубную коронку, изготовленную из самого настоящего земного золота. Странник, не мешкая, надавил на коронку и исчез из кабины перехватчика. Прибывшим через десять секунд Стражам подпространства не оставалось ничего другого, как зафиксировать прорыв.

Тайная база свестров на территории России. Август 2004 года

Куратор восточноевропейского отдела Европейского Департамента Корпуса Свестров Казимир Янович Каминский был в пижаме и домашних тапочках, думается, не в силу необходимости, – мог бы, чёрт возьми, и переодеться! – но исключительно в воспитательных целях: смотрите, мол, как надо поспешать при экстренном вызове. Понятно, что у сотрудников, собравшихся в ситуационной комнате, это не вызвало и тени улыбки, одни лишь потаённые взгляды на прикид шефа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.